

УДК 811[161.1:16]

**К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА РАННЕГО ПЕРИОДА**

Курулёнок А.А.

В статье делается попытка представить фонологическую систему древнерусского языка раннего периода. Основное внимание уделяется характеристике подсистемы вокализма в VI – IX вв. Рассмотрение ведётся с позиций предложенной Б.И. Осиповым классификации фонологических единиц разного уровня – собственно фонем, синтагмо-фонем и парадигмо-фонем, объединяющих идеи разных фонологических школ и направлений. Описываются возможности сочетаемости гласных фонем, а также характер их противопоставленности и решается вопрос об их фонологическом статусе.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая фонетика, вокализм, гласные, средние звуки, фонема, синтагмо-фонема, парадигмо-фонема.

**TO THE QUESTION OF THE EARLY PERIOD OLD RUSSIAN
PHONOLOGICAL SYSTEM DESCRIPTION**

Kurulyenok A.A.

The article attempts to present the early period of Old Russian phonological system. The main attention is paid to the characteristics of the vocalism subsystem in the 6th – 9th centuries. The review is conducted from the standpoint of the phonological units' classification of different levels proposed by B.I. Osipov; phonemes proper, syntagm-phonemes and paradigm-phonemes that combine the ideas of different phonological schools and directions. The possibilities of combining vowel phonemes, as well as the nature of their opposition, are described and the question of their phonological status is solved.

Keywords: Old Russian language, historical phonetics, vocalism, vowels, medium sounds, phoneme, syntagm-phoneme, paradigm-phoneme.

Чтобы описать фонологические реалии древнерусской языковой системы и определить особенности и тенденции её эволюции, нужно разобраться в терминах и понятиях. Принимая как базовое в наших рассуждениях понятие фонемы, мы не должны забывать, что фонема – это системная функциональная единица, которая не изолированно существует в системе, а взаимодействует с другими фонемами. Сущность фонемы выявляется именно в характере тех взаимосвязей, которые существуют в данной системе, поэтому изолированное изучение фонемы невозможно.

Фонема выполняет определённую функцию в системе, поэтому нужно изучать не только какие-то качественные изменения звуков, но и изменение функций звуков, которыми представлена конкретная фонема на определенном этапе развития: ведь изменения в фонологической системе в конечном счете определяются не изменением акустико-артикуляционной характеристики звука, а именно изменением функций звука. Не изменение звука, а изменение функций знаменуют переход системы из одного состояния в другое, из одной эпохи в другую. Поэтому важно не просто проводить анализ фонетических изменений, а всесторонне изучать те отношения, в которые вступают между собой фонемы в различные периоды истории языковой системы. Нельзя ограничиваться изучением лишь отдельных звуков, переходом одного звука в другой, что нередко встречается в исторических грамматиках русского языка: это не может дать и целостного освещения, и правильного понимания.

В исторической фонетике подавляющее большинство работ, посвящённых изучению истории русского вокализма, отличаются отсутствием системного понимания эволюции древнерусских фонем. Р.И. Аванесов сетовал на то, что «основными «героями» исторической фонетики у нас до сих пор являются фонетические «индивиды» [1, с. 41-42]. Отсюда и основные темы, слабо связанные между собой – история вокализма, история консонантизма, история редуцированных, история носовых гласных, переход <e> в <o>, история фонемы <ѣ> и т.п. Учёный указал на то, что каждое частное звуковое явление должно рассматриваться в связи со всей фонетической системой.

Главным «героем» исторической фонетики должна стать сама фонетическая система, а ее основной задачей – рассмотрение эволюции фонетической системы, изучение возникновения, развития и смены фонетических систем на почве того или иного языка или группы языков. Р.И. Аванесов сделал большое открытие в исторической фонетике: показав соотношение древнерусских фонем <u> и <yl> в истории русского языка, он проследил длительный процесс их функционального объединения, связанный с целым рядом других фонетических процессов и перестроек как в системе вокализма, так и в системе консонантизма.

В.В. Колесов, прекрасно понимая, что диахрония языка – это не просто сумма последовательных описаний сменяющих друг друга синхронных срезов (состояний системы в разные эпохи), даёт более глубокое истолкование синхронического и диахронического подходов к анализу языковых явлений, предложенных в своё время Ф. де Соссюром: «Диахрония проявляется в речи, отражаясь в языке, синхрония всегда системна и является в языке, отражаясь в речи. Синхрония рассматривает функционирование фонем, тогда как диахрония – их изменение, которое преобразует функции и тем самым систему в целом» [8, с. 18]. Другими словами, синхронический аспект анализирует отношения, а диахронический изучает процессы, а не их результаты, выявляемые в синхронных срезах (как это понимал Ф. де Соссюр: *было – стало*).

При осмыслении диахронии через синхронные срезы на каждом этапе развития фонологической системы определяется место той или иной фонемы в этой системе, набор её дифференциальных признаков, а также устанавливается корреляции между фонемами, выясняется поведение фонемы, условия её возможных изменений в разных позициях и т.п. Кроме этого, системный подход расширяет рамки исследования истории фонологической системы русского языка и ставит вопрос об истории взаимоотношений между системами вокализма и консонантизма.

Итак, Р.И. Аванесов первым поставил вопрос об историческом осмыслении современной русской фонологии и указал на необходимость

системного рассмотрения её истории. Изучая эволюцию русского вокализма, учёный задумал трилогию под общим названием «Из истории русского вокализма» – о звуках [u] и [y], переходе <e> в <o> и об <ь> и <б>. Р.И. Аванесов в 1947 г. опубликовал статью [1], в которой осуществил анализ фонетических изменений гласных <u> и <y> и всесторонне изучил взаимоотношения этих фонем в различные периоды истории языка. Показав только один фрагмент из истории русского вокализма, он так и не реализовал свои планы рассмотреть историю других гласных фонем.

Первые опыты систематического описания развития русского языка появились в 1960-х гг. Это были учебник по исторической грамматике В.В. Иванова (Историческая грамматика русского языка. М., 1964) и его же монография (Историческая фонология русского языка. М., 1968). По мнению Б.И. Осипова, «значение этих работ свелось, в сущности, к тому, что традиционное описание исторической фонетики русского языка автор перевёл с артикуляционно-акустической на фонологическую терминологию и этим ограничился» [10, с. 5].

В трудах В.М. Маркова, В.К. Журавлёва, В.В. Колесова, В.Г. Руделёва, И.А. Измestьевой, Ю.Я. Бурмистровича, М.Б. Попова диахронический подход к фонологии «получает объяснительную силу, начинает проявлять себя как способ поиска системных причин развития звукового строя языка» [10, с. 5]. В работах этих учёных разрабатывается идея о взаимодействии и взаимообусловленности произносительного и функционального аспектов. Оба эти аспекта образуют единство: звук вне его употребления (произношения) не является звуком языка, функциональная единица (фонема) не существует вне реального, физического звука.

Для исторической фонологии оказывается важным и продуктивным анализ фонемы в тесной связи с её звуковой реализацией. По словам С.Б. Бернштейна, самая последовательная функциональная точка зрения не отвергает, а предполагает изучение физической природы звука [3, с. 127]. В языке постоянно идет борьба между системными отношениями и

фонетическими (физиологическими) процессами, которые разрушают эти отношения. Об этом пишет и В.В. Колесов: «Историческая фонология не может отстраниться от фонетического уровня хотя бы потому, что противоречие между фонемным значением и звуковым оформлением – одно из динамических противоречий, которое способно привести к изменению в системе» [8, с. 10]. Фонетические процессы, которые могут сдерживаться системными отношениями в языке, тем не менее, сильнее коррелятивных связей: они разрушают эти связи, нарушают систему. В результате физиологических изменений постепенно происходит перестройка самой системы, и устанавливаются новые корреляции.

Итак, историк языка имеет дело, прежде всего, не с фонемами, а со звуками. Однако ему приходится постоянно вступать в область фонологии. Поэтому с одинаковым вниманием он должен относиться как к истории фонетических процессов, так и к истории фонологических отношений. Такая точка зрения на изучение истории фонетической системы опирается на результаты старых исследований, в которых не разграничивались понятия звука и фонемы, а также использует привнесённое из синхронии описание коррелятивных отношений фонем. При этом сама история языка должна рассматриваться не как история сменяющих друг друга систем языка, а как исследование отношений и процессов, результаты которых обнаруживаются на разных синхронных срезах.

В описании фонологической системы древнерусского языка наши рассуждения проводятся на основе понятийного аппарата фонологии, разработанного для характеристики синхронного состояния определенной системы в конкретный период развития языка. Однако ключевое понятие в этом описании – *фонема* – до сих пор не нашло однозначной оценки в лингвистике. Многие фонологические школы и направления одним и тем же термином «фонема» называют разные языковые явления, что вызывает фонологические споры и провоцирует взаимное непонимание и даже

неприятие. Этот малопродуктивный спор о том, что же такое фонема, только мешает фонологическим исследованиям.

По словам Б.И. Осипова, не совсем корректное использование основоположниками московской школы термина «фонема» породило разногласия и дискуссии: они рассматривали фонему как комплекс позиционно чередующихся звуков в пределах морфемы, тогда как Л.В. Щерба [см.: 13], Н.С. Трубецкой и другие фонологи называли фонемой класс звуков, имеющих общий набор смысловозначительных признаков. Фонема щербовской школы и более абстрактная фонема московской школы, появившаяся в науке позже, – это реальные явления фонологической системы языка, но совершенно разного порядка. Преодолеть омонимию терминов пытался М.В. Панов [см.: 11], который назвал московскую фонему парадигмо-фонемой. Для «сильных и слабых фонем» Р.И. Аванесова, учение о которых возникло в рамках московской школы, был предложен термин «синтагмо-фонема».

Попытка М.В. Панова имеет свои перспективы: продуманная и рациональная консолидация теорий разных фонологических школ может способствовать созданию общей фонологической концепции, объединяющей в единую фонологическую иерархическую систему разные единицы, которые всеми в целом определяются одним термином «фонема».

В основу наших рассуждений мы положили классификацию фонологических единиц, предложенную Б.И. Осиповым. Ещё в 1976 г. учёный заявил о необходимости интеграции фонологических школ и показал, что при правильном терминологическом обозначении фонологических понятий разные фонологические школы не опровергают, а дополняют друг друга. Такая система, объединяющая разные фонологические единицы, находящиеся друг с другом в определённых отношениях, может быть представлена следующим образом [9, с. 35-38]:

1. *Собственно фонема* – класс звуков, которые характеризуются идентичностью набора дифференциальных признаков (фонема в понимании Л.В. Щербы и Санкт-Петербургской фонологической школы). Фонемы,

реализуясь в конкретном звуке в определённом слове, могут выступать в синтагмо-фонеме и парадигмо-фонеме:

2. *Синтагмо-фонема* – фонема, охарактеризованная с учётом её позиции, с вычетом нейтрализованных признаков (пражская фонема, сильная и слабая фонемы Р.И. Аванесова);

3. *Парадигмо-фонема* – ряд позиционно чередующихся звуков («московская» фонема). В слабой позиции может выступать не только парадигмо-фонема (когда звук слабой позиции чередуется со звуком сильной позиции), но и *гиперфонема* (когда звук в слабой позиции чередуется с несколькими звуками в сильной позиции или вообще не имеет соответствия в сильной позиции), которую можно охарактеризовать как совокупность парадигмо-фонем, нейтрализованных в определенной позиции.

Предложенная классификация представляет собой последовательные ступени системы фонологических единиц, где на основной ступени находится собственно фонема, а её более отвлечённая характеристика объединяет такие языковые явления, как синтагмо-фонема и парадигмо-фонема.

Интеграционный подход, стремящийся консолидировать фонологические направления, поможет исследователям по-новому взглянуть на многие, казалось бы, достаточно уже разработанные проблемы русской исторической фонетики. Предпринятое в русле этого подхода исследование истории русской фонологической системы, с одной стороны, может привести к новому осмыслению отдельных её фрагментов, традиционное описание которых, как кажется, уже не вызывает вопросов, а с другой – систематизировать взгляды разных фонологических школ в исторической плоскости.

Фонологическая система древнерусского языка унаследована из праславянского языка (приблизительно в VI – IX вв. н.э.), и главная её особенность заключалась в том, что в области вокализма зона среднего подъёма переднего ряда продолжала оставаться перегруженной: с появлением носовых гласных <e̅> и <e̅̄> большинство фонем вокалической подсистемы была сосредоточена именно в промежуточных подъёмах:

Подъём	Ряд	
	<i>Передний</i>	<i>Непередний</i>
Верхний	<i>i</i>	<i>y</i> <i>и</i>
Верхне-средний	<i>ь</i> <i>ǣ</i> (<i>ě</i>)	<i>ъ</i> <i>ǫ</i>
Средний	<i>e</i> <i>ę</i>	<i>o</i>
Нижний		<i>a</i>

Сделаем необходимый комментарий. Фонема <*ǣ*> зачастую обозначается как <*ě*> ввиду разной её реализации в диалектах праславянского языка. С.Б. Бернштейн отмечает, что в праславянском языке существовало два самостоятельных гласных: [*ǣ*] (восходил к [*e:*]) и [*ě*] (восходил к дифтонгическому сочетанию [*oi*]). Напомним, что долгая средняя гласная <*e:*>, проявляя свою неустойчивость, в одних диалектах (предках восточнославянских языков) перешла в верхне-средний подъём и приобрела закрытость, а в других (предках старославянского языка) сблизилась с нижним подъёмом и «превратилась» в <*ǣ:*> (или в другой транскрипции – в <*ě*>). Позже оба этих гласных [*ǣ*] и [*ě*] во всех диалектах праславянского языка совпали в одной артикуляции. Направленность процесса была разной: в одних победил [*ǣ*], в других – [*ě*]. Результаты изменения этих гласных объединили славянские языки в две группы и разделили западнославянские языки, обнаруживающие различие в судьбе [*ǣ*] и [*ě*]: часть из них попала в одну группу (с [*ǣ*]), а часть – в другую (с [*ě*]) [3, с. 214-215].

Очень рано, в IX – начале X вв., древнерусский язык пережил первое важное изменение в области гласных – утрату носовых. Этот процесс был настолько быстротечным, что уже к середине X в. носовые гласные дефонологизировались.

Напомним, что носовые гласные звуки развились в праславянском языке из сочетаний гласных с носовым сонантом *n* в закрытых слогах (т.е. в положении перед согласным и на конце слова) в результате действия тенденции к открытию слога. Опишем этот процесс через принятую нами выше

консолидированную классификацию основных фонологических единиц, известных в фонологии благодаря существованию различных школ и направлений.

Напомним, что только в положении закрытого слога появлялись носовые звуки на месте дифтонгических сочетаний, перед гласными эти фонемные сочетания передних или непредних гласных с сонантом сохранялись без изменения: гласный сочетания отходил к предшествующему, а согласный – к последующему слогу. Возникновение носовых гласных привело к чередованиям в одних морфемах носовых гласных с *o/n*, *e/n*: *zvokъ* – *zvонъ* (звук – звон), *imę* – *imena* (имя – имена). Эти чередования наблюдаются только в тех случаях, если одна морфема может употребляться в положении перед согласным и гласным. Чередования отсутствуют, если носовой гласный находится в морфеме только перед согласным: *roka* (рука), *zobъ* (зуб), *petъ* (пять), *mešo* (мясо).

В трактовке фонемы представители Московской фонологической школы исходят из того, что эта единица, названная М.В. Пановым парадигмо-фонемой, может быть представлена рядом позиционно чередующихся звуков в пределах морфемы, которые могут иметь, а могут и не иметь никаких общих фонетических признаков: они объединены только своим позиционным поведением. Исходя из этого получается, что звуки [ɛ] и [ɔ] должны быть интерпретированы как позиционно обусловленные реализации фонемных сочетаний в положении перед согласными и на конце слова. Эти позиции для дифтонгических сочетаний были слабыми, поскольку представлены они были здесь не сочетаниями фонем, а их вариациями – новыми звуками [ɛ] и [ɔ], поскольку «в результате позиционного видоизменения выступают звуки, которые, хотя и отличаются по качеству от основного вида фонемы, но не совпадают с другими фонемами» [2, с. 42]. В рассматриваемом случае за основной вид фонемы условно можно принять фонемное сочетание гласного и сонанта *n*.

По словам С.И. Бернштейна, «москвичи» считают, что все звуки, связанные живым позиционным чередованием в морфеме, принадлежат к составу одной фонемы, и такие (позиционные) чередования, возможные только в пределах фонемы, не затрагивают фонемного состава морфем [4, с. 63]. Итак, с позиций Московской фонологической школы приходится принять тот вывод, что носовых гласных фонем в древнерусском языке вовсе не было, точнее, если оперировать терминологией М.В. Панова, не было парадигмо-фонем, объединяющих ряд позиционно чередующихся единиц *en // e* с и *on // o*. Закономерно чередующиеся звуки должны представлять одну фонему, которая реализуется звуком, не обусловленным позицией, однако данный ряд возглавляет не одна фонема, а сочетание гласной и носовой согласной фонем. Поскольку доминантой в этом чередовании является фонемное сочетание, о парадигмо-фонеме мы не можем говорить. Конечно, можно принять позицию С.И. Бернштейна, который называя фонемы щербовской школы и фонемы московской школы фонемами 1-й и 2-й степени соответственно, выделял ещё и фонемы 3-й степени, представленные рядом исторически чередующихся звуков [4, с. 74]. Включать в одну фонему исторически чередующиеся звуки слишком расширяет понятие фонемы, что признавал и сам С.И. Бернштейн, признавая, что они «образуют только относительное и довольно зыбкое фонологическое единство».

В.В. Иванов, который одним из первых пытался дать систематическое описание развития русских звуков в фонологическом русле, исходил в своих учебных пособиях по современному русскому языку из теории фонемы московской школы. Однако в работах по исторической фонетике он не разделял московского понимания фонемы и определял носовые [e] и [o] как самостоятельные гласные фонемы [7, с. 105]. И в этом случае В.В. Иванов с позиций московской школы перемещается в область понимания фонемы Л.В. Щербой, который основным признаком фонемы считал её способность к смысловаразличению. В древнерусском языке были носовые фонемы <e> и <o>, поскольку они обладали теми важными качествами, которые могли участвовать

в различении слов и морфем. Различаясь между собой важнейшим для того периода дифференциальным признаком ряда, эти гласные были противопоставлены всем остальным гласным по признаку назальности и участвовали в дифференциации смысла разных слов: *rǫka – rěka, pęť – pětъ* и т.д. О самостоятельности носовых гласных говорит и представленная В.В. Ивановым сочетаемость гласных позднего праславянского языка: они были возможны как после твёрдых, так и после мягких согласных и противопоставлялись другим фонемам в тождественных фонетических условиях [7, с. 110].

Здесь мы видим, что в истории языка фонологи принимают за основу важные положения Л.В. Щербы и признают фонемой такую единицу, которая, прежде всего, способна дифференцировать слова и которая определяется признаками, отличающими её от других фонем. А более абстрактное понимание фонемы не является основополагающим в описании системы и процессов древнерусской фонологии.

Утрата носовых гласных в древнерусском языке привела к тому, что они, хотя и потеряли общий для них признак назальности, имели неодинаковую судьбы в системе вокализма. На месте [ǫ] стал произноситься [u], а на месте [ę] – [a] после смягчённого согласного. Новый гласный [u] органически объединился с [u] дифтонгического происхождения и в дальнейшем пережил общие с ним процессы, то есть носовой [ǫ] полностью объединился с [u] верхнего подъёма и, действительно, утратился. Передний же [ę] изменился в звук, близкий [a], но продвинутый вперёд; этот гласный, обозначаемый как <ä>, был переднего образования, так как и перед [ę], и перед появившимся на его месте [ä] твёрдый согласный приобретал полумягкость. Получается, что [ę], потеряв носовую артикуляцию, в пределах переднего ряда переместился в зону нижнего подъёма и продолжал уже функционировать в системе вокализма как самостоятельная фонема <ä>, вступившая в корреляцию со старой фонемой нижнего подъёма <a> по признаку ряда.

Таким образом, средние гласные обнаружили типологическую неустойчивость, характерную для них на всём протяжении развития русской фонологии, и перешли в зоны других (верхнего и нижнего) подъёмов, разгрузив зону среднего. Однако с утратой назальности перегрузка переднего ряда всё же сохранилась и в зоне промежуточных подъёмов оставалась половина всех гласных фонем, что сохраняло предпосылки дальнейших изменений:

Подъём	Ряд	
	<i>Передний</i>	<i>Непередний</i>
Верхний	<i>i</i>	<i>y</i> <i>u</i>
Верхне-средний	<i>ь</i> <i>ě</i>	<i>ь</i>
Средний	<i>e</i>	<i>o</i>
Нижний	<i>ä</i>	<i>a</i>

Итак, древнерусский язык получил из праславянского одиннадцать гласных фонем, а с утратой носовых гласных и возникновением фонемы <*ä*> к моменту появления письменности в системе вокализма насчитывалось десять фонем. Противопоставление гласных фонем в тождественных фонетических условиях осуществлялось по трём их признакам – по степени подъёма языка (верхний – средне-верхний – средний – нижний), по наличию или отсутствию лабиализации и по зоне образования (т.е. по движению языка в горизонтальном направлении) – переднего или непереднего ряда.

Рассматривая сочетаемость гласных фонем с предшествующими согласными в древнерусском языке этого периода (конец X – начало XI вв.), В.В. Иванов устанавливает, что в позиции после твёрдых согласных внутри и на стыке морфем противопоставлялись все гласные фонемы. В положении перед гласными переднего ряда артикуляция твёрдых согласных испытывала определенные изменения, заключавшиеся в приобретении этими согласными позиционной полумякости. После твёрдых заднеязычных **k*, **g*, **h* как внутри, так и на стыке морфем противопоставлялись только гласные непередней зоны образования (*y*, *u*, *ь*, *o*, *a*). После мягких согласных употреблялись все гласные,

кроме [o], [ɔ] и [y], при этом гласные непередней зоны [u] и [a] не замещались передними и выступали в этой позиции в аллофонах, характеризующихся слабой передвижкой вперёд в начальной стадии артикуляции, оставаясь в пределах непередней зоны образования [7, с. 73-75]. Другими словами, были возможны сочетания мягких согласных с гласными [u] и [a].

В результате палатализаций заднеязычных и изменения групп согласных с [j], происходивших ещё в системе праславянского языка, появилось большое количество мягких согласных. В соседстве с новыми мягкими согласными гласные заняли подчинённое положение и стали меняться. Так на месте гласных непереднего ряда [o], [ɔ], [y] после мягких появляются передние гласные [e], [ɛ] и [i] соответственно. Данный процесс не привёл к возникновению новых гласных, однако он имел весьма существенное влияние на развитие категории твёрдости / мягкости согласных, так как значительно расширил сферу употребления мягких согласных перед гласными переднего ряда. В такой ситуации качество согласного звука предполагает качество гласного: мягкость (твёрдость) согласного обуславливает передний (непередний) ряд последующего гласного. В результате согласный и гласный проявляют тенденцию к объединению в единую с фонологической точки зрения сущность – группофонему [6, с. 3-27), или силлабему, о которой будет рассуждать Р.И. Аванесов применительно к более поздней эпохе [1, с. 41-57].

Получается, что после мягких согласных и заднеязычных были возможны не все гласные в силу действия определённых ограничений, наложенных законом слогового сингармонизма. Так, после мягких согласных (например, после сонорных [r'], [l'], [n'] и шипящих) на стыке морфем могли выступать семь гласных фонем: ограничение касалось непередних гласных [o], [ɔ], [y], на месте которых в этой позиции появляются передние гласные [e], [ɛ] и [i].

С точки зрения московской фонологической школы звуки [e] и [ɛ], например, во флексиях слов типа [pol'e] (поле) и [kon'ɛ] (конь) следует рассматривать как разновидности фонем <o> и <ɔ>, соответственно; случаи типа [selo] и [sɛnɔ] должны были привести именно к такому решению

(аналогично следует думать и про гласные [i] и [y]). По словам Р.И. Аванесова, установление состава фонем «должно производиться на основе учёта тех единиц, которые различаются в сильной позиции – в позиции максимальной дифференциации» [2, с. 30]. Поэтому в понимании «москвичей» сильной, фонетически независимой, позицией для гласных является позиция после твёрдых согласных и перед твёрдыми согласными. А.А. Реформатский для гласных в современном русском языке определял как слабые «позиции после и перед мягкими согласными и после и перед твёрдыми согласными, для разных гласных – по-разному» [12, с. 116]. Такой взгляд приводит к пониманию того, что в некоторых случаях при образовании падежных форм после мягких согласных происходит нейтрализация фонем <o> и <e>, <ь> и <б> и <y> и <i>, и, следовательно, звуки [e], [b], [u] должны рассматриваться как варианты (парадигмо)фонем <o>, <ь> и <y>, каждая из которых представлена парой позиционно чередующихся звуков [o] // [e], [ɔ] // [b], [y] // [i]. Но в этот период звуки [e], [b], [u] также могли выступать в позиции после твёрдых согласных, и в таком случае они могут быть определены как варианты (парадигмо)фонем <e>, <ь> и <i>. Ср. [s`elo] – [pol`e] – [stol`e], [ž`enʲ] – [kon`b] – [ogn`b], [ž`eny] – [kon`i] – [ogn`i]. Не будет ли верным здесь предположить, что в этот период в фонологической системе употреблялись гиперфонемы <o/e>, <ь/б>, <y/i>?

Поскольку речь идёт о сочетаемости гласных фонем после согласных, т.е. синтагматике, то позиционные чередования [e] // [o], [b] // [ɔ], [i] // [y] можно описать в терминологии, предложенной Р.И. Аванесовым в рамках ответвления от московской школы. Основываясь на пересекающихся позиционных чередованиях и давая позиционную оценку фонем, он высказал необходимость выделять сильную и слабую фонемы [2, с. 29]. Рассматриваемый случай также представляет собой непараллельный тип чередования, при котором указанные гласные после мягких согласных совпадают в переднерядном звуке, т.е. нейтрализуются, и образуют слабую фонему, выступающую в позиции меньшей дифференциации гласных фонем <o> и <e>, <ь> и <б> и <y> и <i>. Слабая фонема, различая звуковую оболочку словоформ, в то же время может

не различать морфемы (в указанных примерах – флексия), потому что она является эквивалентом двух гласных. Например, фонема <e> после мягкого согласного в словоформе им. п. [pol'e] является слабой, так как в этой позиции не различаются <o> и <e>, и [e] является эквивалентом и <e>, и <o>. Слабая фонема <e> отличает звуковую оболочку словоформы [pol'e] от звуковой оболочки словоформ [pol'a], [pol'u], но она не различает морфемы -e и -o, при этом сильная фонема <o> может употребляться в флективной морфеме после твёрдого согласного – в позиции максимальной дифференциации ([selo]). Однако звуки [e] и [o], которые в позиции после мягкого согласного во флексиях оказываются омонимичными, могут различаться в других словоформах, где они одинаково выступают после твёрдых согласных (stol'e – selo – звательная форма). По словам К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаева, противопоставление гласных <o> и <e>, <ь> и <ь> и <y> и <i> осуществлялось после губных и переднеязычных согласных. Нейтрализация по ряду, как мы видим, происходила после палатальных (среднеязычных) согласных фонем: *plodi и *plody, но только *kon'i; *synъ и *olenъ, но только *kon'ь; *vesti, *voziti, *nesti, *nositi, но только *kon'emъ, *pol'e, *bur'ejо [5, с. 45].

Итак, в аванесовской терминологии звуки [e], [ь], [u] могут быть истолкованы как варианты особых слабых фонем, или (по терминологии М.В. Панова) синтагмо-фонем <e – o>, <ь – ь> и <u – y> с двумя дифференциальными признаками (лабиализация и подъём, ряд нейтрализован). Тем самым можно выделить три синтагмо-фонемы с подвергшимся нейтрализации признаком зоны образования (слабые фонемы в позиции после мягких согласных) и десять синтагмо-фонем, различавшихся по трём дифференциальным признакам (сильные фонемы в позиции после твёрдых согласных).

В терминологии щербовской школы всё достаточно ясно и логично. В рассматриваемый период в древнерусском языке были самостоятельные фонемы <o> и <e>, <ь> и <ь>, <y> и <i>, которые совпадали в соответствующих фонемах переднего ряда. Позиционно зависимые качества

звучков [e], [ъ] и [i] нельзя объединить с соответствующими фонемами <o>, <ь> и <y>, поскольку в других случаях именно такие звуковые качества могут выступать в независимой позиции и быть единственными различителями значения (см. выше примеры из учебника К.В. Горшковой и Г.А. Хабургаева [5]). Здесь следует говорить не о позиционном изменении передних фонем <e>, <ь> и <i>, а об их замене после мягкого согласного на непередние фонемы <o>, <ь> и <y>.

В позиции после мягких согласных на стыке морфем происходит совпадение гласных передней и непередней зоны образования, но это не позволяет говорить о том, что передние звуки становятся оттенками непередних фонем. Такое утверждение строится на том факте, что гласные переднего ряда в этот период развития русского языка могли появляться не только под влиянием позиции в слове (после мягкого согласного), но и самостоятельно, когда признак переднего ряда, противопоставляясь признаку непереднего ряда, мог выступать единственным различителем значения в позиции после твёрдого согласного и, более того, менять артикуляцию предшествующего согласного, делая его полумягким. Надо иметь в виду, что нельзя считать позициями нейтрализации этих гласных фонем те, в которых отдельные из них вообще не выступали (а заменялись другими) – такое утверждение находим и у В.В. Иванова, который здесь вступает в противоречие с теорией московской школы [7, с. 78]. Он считает, что наличие [o], [ъ], [ы] после твёрдого и [e], [ь], [и] после мягкого согласного определялось уже морфологическими причинами, эти фонемы не зависели друг от друга, «хотя наличие [ъ], [o], [ы] после твёрдых, а [ь], [e], [и] – после мягких в подобных формах и было связано с качеством предшествующего согласного» [7, с. 111].

Как видим, теория московской школы и её аванесовская разновидность для определения состава фонем в диахронии не дают достаточных оснований, тогда как для рассмотрения языковых реалий прошлого и определения фонологических единиц другого, более абстрактного порядка, в целях создания целостной и системной картины взаимоотношений единиц фонологического

уровня они вполне годятся. Главной и определяющей в диахроническом анализе системы, т.е. в определении фонем и описании основной фонологической единицы (собственно фонемы) на определённом этапе развития языка становится теория Л.В. Щербы.

Наши рассуждения стоит дополнить тем обстоятельством, что две фонемы переднего ряда <u> и <a> могли выступать после мягких согласных. При этом они меняли свою артикуляцию и выступали в аллофонах, характеризующихся слабой передвижкой вперед в начальной стадии артикуляции (*dush'a – vol'u*), однако <u> и <a> оставались в пределах передней зоны образования (хотя по этому поводу высказываются и другие мнения о принадлежности этих аллофонов переднему ряду). Поэтому эти аллофоны не выступали в позициях нейтрализации и не затрагивали изменения дифференциальных признаков фонем. Древнерусский язык знал позиционное чередование гласных [a] // [ˈa], [u] // [ˈu], но оно было не перекрещивающимся (как в рассмотренных выше рядах), а параллельным. Следовательно, говорить о каких-то особых синтагмо-фонемах и парадигмо-фонемах здесь преждевременно: передвижка гласных вперёд не имела фонологического значения. В данном случае, согласно терминологии Московской фонологической школы (МФШ), речь идёт о вариациях. Фонема выступает в вариации в результате позиционного видоизменения; однако этот звук, хоть и отличается по качеству от основного вида фонемы, не совпадает с другими фонемами. Реализуясь в вариациях, гласная фонема продолжает отличаться от других фонем, как она отличается от них в своём основном виде.

Однако ситуация осложняется тем, что в системе функционировала передняя гласная <ä>, возникшая на месте носовой фонемы. И в связи с этим обращает на себя внимание соотношение этой фонемы с продвинутым вперёд аллофоном передней фонемы <a>. Фонемы <ä> и <a>, находясь в нижнем подъёме, противопоставлялись друг другу только по признаку передней / передней зоны образования. Это противопоставление обнаруживается в положении после твёрдых согласных, где <ä> вызывала полумягкость

предшествующего твёрдого согласного: *mati* – *māti* (мать – мять), *malʹ* – *mālʹ* (мал – мял), *radʹ* – *rādʹ* (рад – ряд).

Но, устанавливая, что фонема <a> после мягких согласных становилась более передней гласной, мы не должны исключать возможность её фонетического сближения с передней гласной фонемой <ä>. В этой позиции звуковые реализации фонем <ä> и <a> сближались, что давало предпосылки для развития нейтрализации этих фонем. Различаясь в позиции после твёрдого согласного, в положении после мягкого они реализовывались в одном аллофоне и переставали различаться [7, с. 77]. Утверждая, что фонема <a> после исконно мягких согласных не переходила в переднюю зону образования, В.В. Иванов тем не менее предполагает нейтрализацию этой фонемы с передней <ä>. Но как возможно совпадение разных по признаку зоны образования фонем, если каждая из них сохраняла своё положение в зоне переднего или непереднего ряда?

Нейтрализация как важное понятие московской теории фонемы характеризует совпадение, неразличение двух или нескольких фонем в определённой позиции. Такая позиция, по мнению В.В. Иванова, могла возникать в том случае, когда фонема <a> находилась после исконно мягких шипящих и сонорных. Добавим, что и фонема <ä> тоже должна выступать в этом положении. Однако надо сказать, что <ä> выступала в очень ограниченном числе слов и форм. В.В. Иванов приводит пример нейтрализации этих гласных, которая происходила в формах [*vrač'`a*] (*врачь* в род. пад. ед. ч., имен.-вин. пад. дв. ч.) и [*otroč'`ä*] (*отрокъ* в имен.-вин. пад. ед. ч.) – здесь на месте двух гласных фонем выступал один аллофон, и потому <a> и <ä> в этой позиции начинали не различаться [7, с. 77, 74]. В результате возникал перекрещивающийся тип чередования. Необходимо признать, что в этих рассуждениях упускается из виду установленная сторонниками МФШ тесная связь между фонемой и морфемой и обусловленное ею рассмотрение позиционного поведения фонемы лишь в определённой морфеме (в приведённых формах эти гласные, хотя и представляют флексию, выражают

грамматическое значение разных падежей). С позиций МФШ нейтрализацию тут сложно определить, и это даёт основания говорить, что теория МФШ не всегда способна объяснить те или иные явления прошлых эпох в истории языка.

О полноценной нейтрализации здесь говорить нельзя, поскольку даже при том допущении, что после мягких согласных признак ряда у фонем <a> и <ä> был нейтрализован, мы не найдём другой позиции для этих гласных, где они различались бы после твёрдых согласных. Т.е. для признания нейтрализации этих фонем нужно найти такие чередования, как [t`a] // [ta] и [t`ä] // [tä], причём должны они осуществляться в одних и тех же морфемах или словоформах (?). Ведь эти фонемы не образовывали такие пары, какие образовывали фонемы <e> и <o>, <ь> и <ъ>, <i> и <y> в некоторых падежных формах.

В.В. Иванов замечает, что, несмотря на нейтрализацию фонем <ä> и <a> после мягкого согласного, наличие сильной для них позиции после твёрдого согласного (*malъ – mälbъ*) вполне определённо доказывает существование этих двух гласных фонем, отчётливо противопоставленных друг другу [7, с. 145–146]. При этом он избегает конкретной фонологической характеристики такой ситуации, когда с позиций МФШ в случае нейтрализации необходимо говорить о выступающих в одной и той же морфеме парадигмо-фонеме (по М.В. Панову) или гиперфонеме. Предположение о нейтрализации этих фонем, видимо, строится на том, что в последующей своей истории они совпали в одной фонеме, но при описании фонологической системы древнерусского языка раннего периода об этом говорить преждевременно. Поэтому рассуждать о каких-либо синтагмо-фонемах или парадигмо-фонемах здесь также ещё рано.

Если же не учитывать поведение фонем <ä> и <a> в определённой морфеме и допустить, что они совпали в положении после мягких согласных, то, вероятно, какое-то время в древнерусском языке существовала синтагмо-фонема <ä – a>, в которой признак ряда был нейтрализован. С вычетом этого признака она продолжала отличаться от остальных гласных по другим

признакам (нижний подъём и нелабиализованность). А появление пересекающегося чередования позволяет говорить и о существовании парадигмо-фонемы, точнее *гиперфонемы* <ä/a>, поскольку звук в слабой позиции [ä] (или [˘a]) чередуется со звуками [a] и [ä] в сильной позиции после твёрдого согласного.

В теории Санкт-Петербургской фонологической школы эти гласные <ä> и <a>, участвующие в дифференциации значений слов, могут быть истолкованы как самостоятельные фонемы (собственно фонемы), которые в определённой позиции сближались в произношении, но не совпадали.

О нейтрализации и совпадении (конвергенции) этих фонем можно говорить позже, в рамках осмысления результатов процесса, который произойдёт на следующем этапе развития древнерусской фонологической системы, когда полумягкие согласные будут заменены мягкими и произойдёт слияние исконно мягких согласных и новых мягких согласных, восходящих к полумягким.

Определим иерархию фонологических единиц древнерусского вокализма к моменту появления письменности, основываясь на трёхчленной системе, предложенной Б.И. Осиповым. *Собственно гласных фонем* было десять, как это и определяют исторические грамматики русского языка, описывающие, как это ни странно, древнерусскую фонологию не в духе московской фонологической школы, а в духе Л.В. Щербы. Гласные фонемы противопоставлялись в одинаковых позициях по трём признакам – по подъёму, по лабиализованности и по ряду.

На следующих этапах фонологического описания вокалической системы древнерусского языка можно сказать о возможных позиционно обусловленных разновидностях фонем (аллофонах), которые появляются в результате взаимодействия с согласными фонемами. Если таковые определяются, то следует говорить о таких фонологических единицах, как синтагмо-фонема и парадигмо-фонема.

На второй ступени фонологического анализа выделяются *синтагмофонемы*, которые не имели дифференциального признака ряда в результате нейтрализации по этому признаку оппозиций <e> ~ <o>, <ь> ~ <б>, <i> ~ <y> в положении после мягких согласных; таких синтагмо-фонем было три: <e>, <ь> и <i> (слабые фонемы по Р.И. Аванесову). Синтагмо-фонем, находящихся в позиции максимальной дифференциации и различавшихся по трём признакам, насчитывалось десять, поскольку все 10 собственно фонем могли полностью различаться после твёрдых согласных и тем самым дифференцировать слова (сильные фонемы).

И наконец, на последней ступени фонологического описания системы вокализма этого периода определяются парадигмо-фонемы, точнее *гиперфонемы* как совокупность фонем <o> и <e>, <ь> и <б>, <y> и <i>, нейтрализованных по признаку передней / непередней зоны образования в позиции после мягких согласных. Но звук в слабой позиции ([e], [ь] или [i]) чередуется с несколькими звуками в сильной позиции – после твёрдых согласных мог выступать как переднерядный ([e], [ь] или [i]), так и непереднерядный гласный ([o], [ѣ] или [y]). Соответственно, состав гиперфонем был представлен тремя единицами <o/e>, <ь/б>, <y/i>.

Добавим, что в древнерусском языке в силу действия законов открытого слова и слогового сингармонизма гласные в пределах слога взаимодействовали с согласными и были связаны только с предшествующими, но не с последующими согласными, которые отходили к другому слогу. В силу этого количество синтагмо-фонем и парадигмо-фонем было ограниченным. Возможное появление позиций нейтрализации (по терминологии «москвичей») и позиций меньшей дифференциации (по Р.И. Аванесову) гласных фонем оказывалось связанным с качеством предшествующих согласных, и было сосредоточено на утрате дифференциального признака передней / непередней зоны образования, что давало предпосылки качественного изменения его характеристики в последующие эпохи.

Выделение синтагмо-фонем и парадигмо-фонем позволяет чётче осознать, что уже в древнерусском языке ранней поры функционировали различные фонологические единицы. Благодаря трёхчленной системе фонологических единиц мы можем определить не только состав фонем в языке определённого периода, но и понять фонологические отношения в системе (в нашем случае в области вокализма), описав особенности сочетаемости фонем и характер их противопоставленности, т.е. определить синтагмо-фонемы и парадигмо-фонемы.

Список литературы:

1. Аванесов Р.И. Из истории русского вокализма. Звуки I и Y // Вестник Московского университета. 1947. № 1. С. 41-57.
2. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945. 236 с.
3. Бернштейн С.Б. Сравнительная грамматика славянских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. 352 с.
4. Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии // Вопросы языкознания. 1962. № 5. С. 62-81.
5. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие для ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 359 с.
6. Журавлёв В.К. Генезис группового сингармонизма в праславянском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1965. 28 с.
7. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
8. Колесов В.В. Русская историческая фонология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 400 с.
9. Осипов Б.И. Понятие позиции и «физикалистские» фонологические школы // Вопросы русского языкознания: межвузовский сборник. Куйбышев, 1976. Вып. 2: Русский язык и его диалекты. С. 35-45.

10. Осипов Б.И. Теория фонемы – антропоцентрический аспект фонетики. Размышления над книгой В.В. Колесова «Русская историческая фонология» // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 4-10.
11. Панов М.В. Русская фонетика. М.: Просвещение, 1967. 438 с.
12. Реформатский А.А. Основные положения Московской фонологической школы // Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии: Очерк: Хрестоматия. М.: Наука, 1970. С. 114-120.
13. Щерба Л.В. Русские гласные в качественном и количественном отношении. Л.: Наука, 1983. 155 с.

Сведения об авторе:

Курулёнок Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института европейских языков Чжецзянского университета иностранных языков (Шаосин, Китай).

Data about the author:

Kurulyenok Andrey Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Russian Language Department, Euro-languages college, Zhejiang Yuexiu University of Foreign Languages (Shaoxing, China).

E-mail: kurulyenok@mail.ru.